

УДК 821.161.1 – 312.1

ПРОБЛЕМЫ ОСВЕЩЕНИЯ РОМАНА Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО «ЧТО ДЕЛАТЬ?» В НАУЧНОЙ И КРИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (1863-2010)

Маргарита Игоревна Вайсман

аспирант кафедры русской литературы

Пермский государственный университет

614990, Пермь, ул.Букирева, 15. margaritavaisman@yandex.ru

Представлена новая периодизация исследований о Н.Г.Чернышевском. Ввиду изменившихся исторических обстоятельств научная и критическая литература о Н.Г. Чернышевском требует тщательного пересмотра в контексте новейших литературоведческих практик, как и его собственные произведения. Предложенная периодизация составлена с учетом тенденций развития современного отечественного и зарубежного литературоведения и учитывает концептуальные изменения, произошедшие в чернышевсковедении за последние двадцать лет. В статье обозначаются перспективы дальнейшего развития этого направления, дается обзор наиболее значимых работ в данной области, критический анализ специфики отечественных и зарубежных исследований, оценивается их значение в истории развития российского литературоведения и науки в целом.

Ключевые слова: Чернышевский; «Что делать?»; история литературы; советское литературоведение; биография; хронология; идеология.

Концептуальные изменения, произошедшие в чернышевсковедении за последнее десятилетие, настолько значительны, что знакомство с новейшими научными разработками в этом направлении является непременным условием объективного, комплексного научного подхода к исследованию творчества Н.Г.Чернышевского. Утратив сакральный статус и превратившись с наступлением эпохи гласности из писателя, которого «недопустимо называть примитивным и бездарным» [Валентинов 1993: 495], в «Номо Guerbachì», «сколачивающего непрочные силлогизмы» [Набоков 1997: 277], Н.Г.Чернышевский перестал быть «монолитным персонажем отечественной культуры» [Кондаков 1997: 52]. Такое изменение в статусе еще недавно «неприкасаемого» автора повлекло за собой ряд последствий.

Во-первых, появились работы исследователей, обратившихся к анализу очевидных, но ранее по идеологическим причинам не описанных аспектов творчества Чернышевского: христианской символики и параллелизма, библейских образов (В.Сердюченко), эротических мотивов (В.Г.Щукин), русско-американского диалога (А.Эткинд, А.Арустамова), семиотических характеристик (И.Паперно). Во-вторых, современ-

ные направления гуманитарной науки определили новые методологические подходы к творчеству Н.Г.Чернышевского. К произведениям писателя обратились ученые, работающие в рамках методологии гендерных исследований (Дж.Армстронг, Б.Алперн Энгель, Дж.Эндрю), психоаналитического литературоведения (В.Я.Линков, А.Эткинд), теории перевода (М.Кац), культурной антропологии (К.Кларк), кросс-культурного диалога (Д.Хехт, Д.Рейнхарц), теории массовой культуры (Р.Стайтс). В-третьих, отечественная наука о Чернышевском сегодня развивается параллельно зарубежной, учитывая, а не отвергая наработки специалистов из Великобритании, США, Японии, Германии и других стран.

Вследствие изменившихся обстоятельств научная и критическая литература о Н.Г.Чернышевском требует столь же тщательного анализа и пересмотра в контексте новейших литературоведческих практик, как и его художественное творчество. В данной статье представлена выстроенная нами хронология развития чернышевсковедения, сделана попытка обобщить наиболее значимые исследования последних лет и охарактеризовать современное состояние науки о Чернышевском.

Количество литературно-критических исследований, посвященных творчеству Чернышевского, огромно. Неослабевающий научный интерес к писателю в Советском Союзе имел идеологическую подоплеку: Чернышевский был любимым автором В.И.Ленина и, соответственно, популярным и идеологически верным объектом исследования. Э.Дрозд приводит данные Дж.Сканлана, по расчетам которого к 1967 г. в Советском союзе вышло более 400 диссертаций о Чернышевском, а к 1985 – уже более 600 [Drozdz 2001: 185]. К 1980-м гг. анализ самих работ о Чернышевском выделился в отечественном литературоведении в отдельную дисциплину. В герменевтическом исследовании У.А.Гуральника «Наследие Н.Г.Чернышевского-писателя и советское литературоведение» рассматривается «несколько сот публикаций, прямо или косвенно касающихся наследия Н.Г.Чернышевского-писателя» [Гуральник 1980: 46].

Масштабный труд, книга Гуральника, дает представление о том, сколь широкий круг тем был охвачен наукой о Чернышевском со времени ее формального становления. Подводя итог более чем полувековой работе, ученый выделяет основные тенденции, наблюдающиеся в развитии чернышевсковедения в период с 1920-х (отсчет ведется от статей Луначарского) по 1980-е гг. Главной из них становится перенос акцента с «теоретических воззрений» на «художественное творчество», однако автор отмечает, что на момент написания книги «широких сопоставлений эстетической теории Чернышевского и его художественной практики в научной литературе о нем все еще мало» [там же: 47].

Несмотря на ценностный переворот, позволивший рассматривать творчество Чернышевского в принципиально иной системе эстетических и научных координат, эта проблема актуальна и сегодня. По мнению современных ученых, творчество писателя, в частности «Что делать?», «последовательно толковались и противниками, и поклонниками ошибочно, по большей части именно из-за отказа рассматривать его как литературный текст» [Drozdz 2001: X]. Такой подход был, вероятно, сформирован еще в отзывах современников, резко отреагировавших на дискурсивную неоднородность и экспериментальную поэтику текста. Таким образом, прослеживается четкая хронологическая ось, двигаясь по которой можно выделить определенные этапы в развитии науки о Чернышевском.

Диахронический подход к структуризации корпуса литературно-критических текстов о Чернышевском делает очевидным идеологиче-

ские «точки демаркации», разделяющие три основных периода:

- досоветский (1863 – 1928);
- советский (1928 – 1990);
- постсоветский (1990 – ...).

Годы, определяющие границы периодов, отражают прежде всего смену идеологических эпох, а не календарных дат. Так, отзывы о статьях Чернышевского в печати появлялись и до 1863 г., однако, поскольку «Что делать?» был первым опубликованным художественным произведением автора, нам кажется целесообразным начинать отсчет истории Чернышевского-писателя как объекта литературоведения с даты публикации его главного литературного труда. Хотя Советский Союз как государство был окончательно сформирован в 1922, тем не менее программная статья А.В. Луначарского, определившая темы исследовательских работ на многие годы вперед, вышла в свет в 1928 г., окончательно поставив (при поддержке Ленина) точку в развязавшейся было полемике о писателе. Что касается датировки начала постсоветского периода, то, несмотря на то что официально СССР прекратил свое существование в 1991 г., первый сборник, обозначивший новый курс в чернышевсковедении «“Что делать?” Н.Г.Чернышевского. Историко-функциональное исследование» под ред. Н.К.Ломунова, вышел уже в 1990 г., в условиях «гласности» и сильно смягчившегося идеологического климата. Таким образом, указанные даты отражают в первую очередь изменения в литературном процессе, являющемся непосредственным следствием хода российской истории.

Выбор названий для обозначения периодов обусловлен очевидным фактом доминирования советского периода исследований над последующим и предыдущим. На сегодняшний день массив научной и критической литературы, созданный в период с 1928 по 1991 г., существенно превалирует по объему количество работ, вышедших как до, так и после этих дат. То, что ситуация может измениться в ближайшем будущем, представляется маловероятным, однако сам факт появления новых исследовательских работ о Чернышевском, говорит о том, что у науки о Чернышевском, несомненно, есть будущее.

Досоветский период. Сама природа «Что делать?», полемического, во многом намеренно провокационного текста, определила отзывы на него современников. Л.Толстой, И.Тургенев и другие писатели выступили с резкой критикой романа, и даже соратники Чернышевского по политическому лагерю, например А.Герцен, не оказали ему поддержки – слишком неоднозначной была художественная позиция автора. В ста-

тье «Николай Чернышевский в российской памяти и критике» А.А.Демченко выстраивает выступления современников в два ряда: *pro* и *contra* [Демченко 2008: 41]. «За» Чернышевского были отзывы А.М.Бухарева (архимандрита Федора), Н.А.Бердяева, Н.С.Лескова, Д.И.Писарева. Наиболее весомыми выступлениями «против» – статьи А.А.Фета (при участии В.П.Боткина) и Н.Н.Страхова.

Данный период развития чернышевковедения характеризуется двумя основными чертами. Во-первых, очевидно, что отзывы о романе «Что делать?» создаются и печатаются в контексте идеологического противостояния сторонников и противников Чернышевского. В статьях преобладает острый полемический дискурс и особое внимание уделяется именно философским и этическим воззрениям Чернышевского, а не специфике формы, в которой эти идеи представлены. Задается тенденция, которая будет доминировать в работах о писателе и до настоящего времени – рассмотрение художественного творчества Чернышевского как (явления) общественного, исторического, философского и уже только во вторую очередь литературного процесса. Во-вторых, сам характер появления отзывов можно определить как «стихийный». На начальном этапе своего формирования, до выделения в конце 1920-х гг. в область академической науки, чернышевковедение было еще не столь жестоко ограничено идеологическими рамками, как полвека спустя. Главными характеристиками первого периода можно, таким образом, считать стихийность появления отзывов на роман и их непосредственную связь с идеологическим противостоянием, наблюдавшимся в русской критике 1860 – 1870-х гг.

Почти сразу же после публикации роман «Что делать?» был запрещен, и, соответственно, критические отзывы о книге больше не появлялись. И хотя в истории общественной жизни страны роман сыграл огромную роль, явившись катализатором революционных настроений в последние десятилетия XIX в., с точки зрения литературоведения эти годы были затишьем, продлившимся несколько десятилетий. Затем, уже после снятия цензурных запретов в первое десятилетие XX в., «редкая книжка журнала <обходилась> без статьи о деятельности Чернышевского», т.к., по замечанию современника, «мы пережили время вторичного «цензурного террора», и русская печать, получив некоторую свободу, тотчас же вспомнила о своем лучшем представителе и идейном борце» [Денисюк 1908: II]. Обилие «сырого биографического материала» [там же], а также появление опасных, не соответствующих

«линии партии» трактовок жизни и творчества писателя, обозначило необходимость официального закрепления единственно верного взгляда на Чернышевского, «знаменитого ученого и родоначальника русского социализма» [Николаев 1919: 5].

Советский период. Работы Г.В.Плеханова и А.В.Луначарского, определявшие интеллектуальный и художественный курс нового Советского государства, закрепили за Чернышевским место «одного из замечательнейших в нашей великой литературе писателей-беллетристов» [Луначарский 1957: 214]. Плеханов в книге «Н.Г.Чернышевский» говорил о вторичности философских концепций Чернышевского, что не нашло одобрения у Ленина, поэтому программной статьей для литературоведов этого периода стала статья Луначарского «Н.Г.Чернышевский как писатель».

Большая часть работ о Чернышевском, созданная с конца 1920-х и до начала 1990-х гг., ориентирована на статью Луначарского и развивает предложенные в ней темы. Причиной этого являются как особый характер всей литературной критики этого периода, так и оригинальный, а главное комплексный, анализ, представленный в этой статье. Несмотря на устаревший аналитический аппарат и очевидную идеологическую тенденциозность статьи, Луначарский делает достаточно тонкие наблюдения. Критик трактует «Что делать?» подчеркнуто не «редукционистски», не сводя художественный текст к функции иллюстрации художественных идей, отмечая, например, особый психологизм романа: «Возьмите третий сон, в котором рассказывается, как Вера догадывается, что она любит больше Лопухова. Это почти фрейдовская тонкость работы, но без фрейдовских извращений» [Луначарский 1957: 231]. Не менее важно и то, что в этой статье окончательно закрепляется мученический, жертвенный образ Чернышевского, по словам Т.Стоппарда, «одного из ранних святых большевистского календаря» [Стоппард 2006: 414].

Риторически статья задает особый тон последующим работам о Чернышевском. Следуя манере изложения, типичной для Ленина, Луначарский говорит о Чернышевском как об «учителе», ставя его в один ряд с К.Марксом и Ф.Энгельсом. Собственный стиль Луначарского (подчеркнуто разговорные обороты, анафоричность, синтаксический параллелизм, частое использование местоимения «мы», «нас», «нам» и т.д.) отражает идеологический характер статьи, решающей сразу две задачи: определить положение Чернышевского в нарождающемся советском литературном каноне и обозначить важ-

ность его фигуры в идеологическом плане. Статья Луначарского определила характер большинства будущих работ о Чернышевском, став своеобразным «коренным» текстом, в котором была сформулирована *идеологическая парадигма*, в рамках которой следовало трактовать как фигуру автора, так и его произведения. Идеи, намеченные Луначарским, развивались в дальнейшем уже другими авторами.

В советский период также выделяется ряд академических работ о Чернышевском, ставших классическими. В таких работах сформировалась *научная парадигма* изучения творчества писателя, были разработаны методологии научного подхода к текстам. В этот ряд включены работы А.П.Скафтымова, С.А.Рейсера и Б.Я.Бухштаба, М.Т.Пинаева, Н.Ю.Тамарченко, Г.Е.Фридендера, Е.И.Покусаева, А.А.Лебедева, Л.М.Лотман, Ю.К.Руденко, Н.А.Вердеревской. Монографические исследования данного периода позволяют современным исследователям опираться на полную фактологическую и историческую базу сведений о Чернышевском и его творчестве. Эти работы сохраняют свою актуальность и сейчас, хотя и требуют от современного исследователя использования особого читательского «фильтра» при обращении к ним – все тексты о Чернышевском, вне зависимости от их научной ценности, опубликованные в Советском Союзе в указанный период, написаны в заданной Луначарским дискурсивной традиции.

Если работы предыдущего периода появлялись, повинаясь логике литературного процесса, то в советский период выпуск работ о Чернышевском происходил уже в «промышленном» масштабе, выделившись в специальную область литературоведения, подобно пушкинистике. Э.Дрозд, анализируя корпус научных и критических текстов о Чернышевском с точки зрения отражения в них специфики художественности произведений писателя, выделяет три основных этапа в истории развития науки о Чернышевском в этот период. Первый, с точки зрения исследователя, определяется взглядами Ленина и представлен работами Плеханова и Луначарского. В 1920-м начинается систематическое научное изучение Чернышевского и его наследия – выходят работы А.Скафтымова и В.Гиппиуса, формируется так называемая «саратовская школа». В 1928-м, в год столетия со дня рождения писателя, публикуются архивные документы, воспоминания современников, создаются новые комментарии. Однако тогда же начинаются для отечественного литературоведения «темные времена» идеологизированных статей, слоганов и «ритуального цитирования Ленина». После смерти

Сталина появился ряд серьезных академических работ по текстологии (С.А.Рейсер, Б.Я.Бухштаб), научных монографий (А.А.Лебедев), а к 1960-м – 1970-м гг. интерес исследователей сфокусировался на вопросах поэтики. В последующее десятилетие, в 1980-е гг., выходили работы о роли автора в романе, хронотопе, интертекстуальности «Что делать?», т.е. исследователи работали уже в рамках новых методологических подходов (статьи Т.И.Дубровиной, Е.А.Подшиваловой и др. [Drozd 2001: 2–5]). Такие работы концептуально относились к следующему, постсоветскому периоду, но все еще сохраняли следы советской риторики.

С течением времени меняется и методология исследователей: со второй половины 60-х гг. ученые начинают активно пользоваться разработанным аппаратом структурного анализа (например, В.Руденко, Н.А.Вердеревская, Л.М.Лотман, М.В.Теплинский, В.В.Прозоров и др.). В первой половине двадцатого века советское литературоведение занималось исследованием идеологических аспектов творчества и философской концепции автора, за исключением некоторых монографических исследований, представляющих более полный анализ текстов, их генетических связей с произведениями русской и мировой литературы (в частности, работы А.П.Скафтымова), используя методологию культурно-исторической школы и сравнительного литературоведения. Во второй половине двадцатого века ученые обращаются к структурному анализу текстов: исследования структурных аспектов романов и повестей Чернышевского выходят как в сборниках, посвященных проблемам истории и развития романа второй половины девятнадцатого века, так и в виде монографий, комплексно освещающих проблемы творчества автора.

Таким образом, в советский период развития науки о Чернышевском оформились как идеологическая (1920 – 1930-е гг.), так и научная парадигмы, в рамках которых создавалась большая часть научно-критических текстов о писателе. Если работа выходила за рамки предлагаемых трактовок, то публикация ее была невозможна. Такой же «селекционный» отбор проводился и в отношении текстов самого Чернышевского и мемуарных отзывов. А.А.Демченко приводит пример из истории формирования сборника «Н.Г.Чернышевский в воспоминаниях современников», из которого были изъяты воспоминания Ф.М.Достоевского и «астраханца Н.Ф.Скорикова, воспоминания которого о скептическом отношении Чернышевского к революционным пристрастиям современной молодежи

не вписывались, по мнению руководства издательства, в привычное по тем временам истолкование деятельности Чернышевского как революционера-подпольщика»¹ [Демченко 2002: 259]. Приоритетным направлением исследований по-прежнему оставался анализ политических и философских взглядов писателя, а тщательное изучение его художественных текстов как литературоведческая практика окончательно утвердилось лишь в 1980-е гг. Характер появления работ перестает быть стихийным. Выпуск научных и критических трудов о Чернышевском становится частью более масштабного процесса – формирования идеологической политики государства.

Постсоветский период. Переломным моментом, ознаменовавшим начало нового, постсоветского периода в развитии науки о Чернышевском, стал выход в 1990 г. сборника под редакцией *Н.К. Ломунова* ««Что делать?» Н.Г.Чернышевского. Историко-функциональное исследование» (1990). Впервые в Советском Союзе в сборнике были объединены работы, рассматривающие роман «Что делать?» и фигуру Чернышевского с точки зрения современной науки, в которой приоритет был отдан анализу художественной специфики произведения, а идеологическая риторика отошла на второй план. Подводится итог изучению творчества Чернышевского в советский период: описываются кропотливая работа над текстами, публикация которых подчинялась идеологическим установкам, особенности толкования произведений в условиях политического давления и пр. Таким образом, академической науке о Чернышевском был задан курс на объективность настолько, насколько достижение ее вообще возможно в рамках гуманитарных наук.

Особенно важным было то, что с подобными статьями выступили специалисты по творчеству Чернышевского, ученые, знакомые с проблемой изнутри. Выход и содержание этого сборника свидетельствовали о том, что научная парадигма исследований предыдущего периода определялась идеологической. Как только появилась возможность рассматривать произведения Чернышевского с сугубо научной точки зрения, выяснилось, что интерес ученых естественным образом тяготеет к вопросам поэтики, художественной специфики, особенностям дискурса, стиля, образной системы текстов писателя и т.д.; что характерный для советского периода перевес исследований о политических взглядах и философской системе Чернышевского объясняется внешними, надлитературными, идеологическими причинами. Начало новому этапу развития академической науки о Чернышевском было положено.

Следующим знаковым событием стала публикация научного труда *А.А. Демченко* «Н.Г.Чернышевский. Научная биография» (1978–1994), главное монографическое исследование нового времени в отечественном чернышевковедении. Первая полная биография Чернышевского, книга Демченко, создавалась на протяжении почти двадцати лет. Важной особенностью, отличающей эту работу от биографических сочинений советского и досоветского периода, является ее подчеркнуто объективный характер. Именно поэтому публикация всех четырех томов научной биографии стала возможна только в 1994 г. В томе биографии, посвященном времени написания романа «Что делать?», подробно описываются исторические события, без понимания и объективной оценки которых невозможно исследование творчества Чернышевского современной наукой: условия заключения писателя в Петропавловскую крепость, во время которого родился замысел и был создан роман «Что делать?», ход судебного процесса, удивительная ситуация, сложившаяся в цензурном отделении и особое положение Чернышевского как политического заключенного, приведшие в результате к публикации романа в «Современнике» с одобрения цензуры [Демченко 1992]. В 2008 г. А.А. Демченко выпустил антологию в серии «Русский путь» «Н.Г.Чернышевский: pro et contra. Личность и творчество Н.Г.Чернышевского в оценке русских писателей, критиков», в которой собраны отзывы и мемуары современников писателя о его личности, творчестве, литературно-эстетических и философских взглядах, романе «Что делать?». В этом сборнике впервые представлены полярные мнения современников о Чернышевском, что позволяет получить представление как о досоветском периоде развития чернышевковедения, так и об истоках «мифа» о Чернышевском, начавшего складываться еще при его жизни [Демченко 2008]. Под руководством А.А. Демченко в 2006 г. Т.М. Метласовой была защищена кандидатская диссертация на тему «Интертекстуальность, реминисценции и авторские маски в романе Н.Г.Чернышевского «Повести в повести». В Саратовском государственном университете в сотрудничестве с Музеем Н.Г.Чернышевского с периодичностью в три-пять лет выходят сборники научных трудов, посвященные Чернышевскому: «Статьи, исследования и материалы» (последний на сегодняшний день, 15-й выпуск, – в 2004 г.). Таким образом, к настоящему времени в академической науке установился четкий курс на объективное изучение жизни и трудов Чернышевского в контексте но-

вейших литературных практик. Такое положение установилось, однако, далеко не сразу.

С приходом «гласности», ознаменовавшей также наступление эпохи относительной объективности в гуманитарных науках, противоречивое отношение исследователей и читателей к писателю обрело свой «голос». Свою роль в формировании нового облика Чернышевского сыграл и впервые опубликованный в России в 1988 г. и ставший доступным широкому читателю роман В.Набокова «Дар», в котором Чернышевский – не самая привлекательная фигура. В постсоветской России ряд исследователей ставили вопрос о целесообразности изучения Чернышевского, об актуальности его работ в условиях современной жизни [Кантор 2000: 157–180], другие – выступали в его защиту, отстаивая в лице Чернышевского права всех авторов, история жизни которых была искажена неверными, идеологически предубежденными трактовками [Кондаков 1997: 49–59]. В условиях такого «междоусобия» появляются работы об очевидных, но ранее по понятным причинам не исследованных особенностях творчества писателя: библейских аллюзиях и религиозных мотивах (докторская диссертация В.Л.Сердюченко «Достоевский и Чернышевский в русской духовно-литературной ситуации второй половины 19 века», 1999), статьи В. Сахарова «Что делать с утопией Чернышевского?», Н.Назарова «Интеллигенция в «Что делать?»: Born to Be Wild», В.Г.Щукина «Блеск и нищета позитивной эротологии (к концепции любви у Н.Г.Чернышевского)» и др.

К началу 2000-х гг. стало очевидным, что существует определенная разница между подходом к изучению Н.Г.Чернышевского в академической науке, где после публикаций Н.К.Ломунова и А.А.Демченко был устранен существовавший ранее «зазор» между научной и идеологической парадигмами, и в критике. Для критиков и публицистов Чернышевский оставался спорной фигурой, советским артефактом с «перчинкой» (см., например, статью Н.Пушкаревой «Нездоровая одержимость»¹ об особенностях сексуального поведения Чернышевского, Писарева и пр.). Спустя десятилетие подобный разрыв, как нам кажется, сократился не в последнюю очередь благодаря статье П.Вайля и А.Гениса «Роман века» в книге «Родная речь. Уроки изящной словесности» (1991), утверждающей новый, переосмысленный статус Чернышевского в современной российской культуре. Вайль и Генис ставят вопрос, поиски ответа на который, очевидно, и являются причиной появления большинства вышедших в эти годы ненаучных журнальных публикаций: «Как вышло, что едва ли не худшая из

известных русских книг стала влиятельнейшей русской книгой?» [Вайль, Генис 1994: 185]. В статье кратко и четко суммируются все несоответствия официального мифа о Чернышевском, «Что делать?» реальной истории жизни автора и непосредственно текста романа: представление о «Что делать?» как об учебнике жизни, преобладание в книге любовной темы, подчеркнута ироническое отношение автора к героям, построение образа «революционера-безбожника» и нигилиста Рахметова по канонам жития святых и т.д.

Особенно интересную группу научных текстов представляют работы, в которых творчество Чернышевского анализируется в контексте кросс-культурных исследований, как часть общей, национальной литературы и культуры. А.Эткинд в книге «Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах» (2001) посвящает героям Чернышевского главу «Секс и секты в телах и текстах: где был Рахметов, пока не вернулся Шатовым?». Через исследование «американского сюжета» в «Что делать?» Эткинд раскрывает особенности философской концепции Чернышевского, а также приводит дополнительные сведения, подтверждающие сложившуюся в современном литературоведении оппозицию Чернышевский / Достоевский [Эткинд 2001: 55–114]. В рамках этой оппозиции творчество Чернышевского рассматривается и в книге А.А.Арустамовой «Русско-американский диалог XIX века», в главе «Ф.М.Достоевский VS Н.Г.Чернышевский: полемика о Новом Свете и русском человеке» [Арустамова 2008: 306–325]. Литературное «позиционирование» Чернышевского по отношению к другим писателям, чья историческая судьба оказалась не столь зависима от соображений идеологии, является важным аспектом формирования образа и представлений о писателе в современной науке и критике. Рассматривая творчество Чернышевского в контексте диалога культур, исследователи утверждают принципиальность его присутствия в обновленном российском литературном каноне, подтверждая ключевую роль, которую творчество Чернышевского сыграло в развитии национальной литературы.

Зарубежное литературоведение. В западном литературоведении и литературной критике Чернышевскому уделяется на так много внимания – интерес большинства исследователей традиционно привлекал его современник А.И.Герцен. Тем не менее имя Чернышевского неизменно появляется на страницах книг, посвященных истории и культуре России, особенно в трудах, освещающих революцию и ее идейные истоки

(И.Берлин). Поскольку Чернышевский и его труды использовались советской пропагандой как оружие в идеологической борьбе, статус главного большевистского писателя и «родоначальника русского социализма» во многом обусловил отношение к нему зарубежных ученых. Суждения критиков о писателе часто основываются на оценке его политической программы (Н.Г.О.Перейра, Г.О.Норман).

В ряду монографических работ следует отметить книгу *Френсиса Б.Рэндалла* «Н.Г.Чернышевский» (1967), в которой представлен взвешенный, объективный анализ как творчества Чернышевского, так и роли писателя в русской истории. Не ограниченный идеологическими рамками марксизма, ученый уже в 1967 г. отмечает очевидные параллели между образом Рахметова и Иисусом Христом, который у Чернышевского, как позднее и у Блока, становится «символом революционного освобождения» [Randall 1967: 111].

Искаженному восприятию образа Чернышевского на западе способствовала не только позиция, занимаемая им в культуре Советского Союза, но и отсутствие грамотного перевода «Что делать?». В статье «Английские переводы “Что делать?”» Майкл Кац, автор нового научного, вышедшего в 1989 г. перевода, говорит о том, что при работе с романом переводчики часто пытались реализовать еще и политические задачи и в результате получившийся текст часто оказывался очень далеким от оригинала [Katz 1987: 125–128].

Если рассматривать специфику освещения фигуры и творчества Чернышевского в зарубежном литературоведении с точки зрения используемой методологии, становится очевидным, что особое внимание Чернышевскому уделяли неомарксисты, например Фредерик Джеймисон в книге «Политическое бессознательное», и исследователи гендерных общественных практик – отдельная глава посвящена «Что делать?» в работе об адюльтерном романе Джудит Армстронг.

Характерной чертой зарубежных исследований является тенденция вписывать творчество Чернышевского и его философские концепции в широкий контекст российской литературы и философии. Исайя Берлин, например, считает роман «Что делать?» катализатором русской революции. В результате основным направлением исследований (пик которых пришелся на 1960 – 1970-е гг., период повышенного интереса к России) стал анализ романа «Что делать?» не как текста, а как факта социокультурной жизни России конца XIX – начала XX в.

Однако в последние десятилетия ситуация стала меняться. Перелом, произошедший в отечественной науке о Чернышевском в связи с ослаблением идеологического контроля, нашел свое отражение и в зарубежной литературе о писателе. Первой работой нового времени в зарубежном литературоведении стало исследование *И.Паперно* «Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма» (1988). Ученица Ю.М.Лотмана, И.Паперно впервые начала работать над исследованиями о Чернышевском еще в 1977 г. в университете г.Тарту. Позднее, в 1996 г., ее книга вышла на русском языке в авторизованном переводе. Особую ценность данному исследованию придает его подчеркнута объективный подход к трактовке личности и творчества писателя. Хотя основное содержание книги составляет анализ личности Чернышевского, направленный на воссоздание истинной истории его жизни, очевидно отличной от мифа, созданного и утверждаемого советской идеологией, в третьем разделе – «Тексты» – рассматриваются художественные и публицистические работы Чернышевского. Особое внимание уделено «Что делать?» как ключевому тексту. Паперно анализирует архитектуру романа, повествовательную и риторические техники, систему персонажей и христианскую символику. По сути, в своей книге И.Паперно, как и другие наиболее проницательные современные исследователи творчества Чернышевского, пытается ответить на вопрос, сформулированный чуть ранее П.Вайлем и А.Генисом: «Как объяснить силу воздействия Чернышевского и его романа на современников?». Ответ находится в «плодотворном использовании активной творческой энергии художественной структуры», а также уникальной универсальности, свойственной как взглядам писателя, так и форме их выражения: «...секрет влияния Чернышевского лежит также в присущем его мышлению и его роману уникальном смещении и интеграции различных течений и традиций, имевших большое значение для его времени: русского православия, французского христианского социализма, левого гегельянства, английского утилитаризма, позитивистского научного подхода к жизни, эстетики реализма и остатков идеализма и романтизма» [Паперно 1996: 185]. Идентификация сложных компонентов, составляющих специфику текстов Чернышевского, – важная ступень в формировании нового подхода к изучению творчества писателя. Замечания подобного характера высказывались отечественными учеными в отдельных публикациях последних лет, однако в работе И.Паперно комплексные наблюдения были впервые пред-

ставлены в рамках монографического исследования.

Факт перевода и выхода в свет данной книги на русском языке в 1996 г. был исторической вехой в развитии чернышевсковедения сразу с двух точек зрения. Во-первых, широкому кругу читателей предлагалось пересмотреть свои взгляды на фигуру Чернышевского, вниманию читательской публики был представлен объективный анализ его творчества, демонстрировалась как очевидность сконструированности образа писателя в советскую эпоху, так и то, насколько далеко этот образ отстоял от реальности. Во-вторых, с появлением книги И.Паперно стало ясно, что выстроенного и поддерживаемого идеологическими средствами барьера между отечественным и зарубежным литературоведением больше не существует и не принимать во внимание зарубежные исследования по славистике уже не представляется возможным в условиях современных литературоведческих практик.

В советский период не только толкование фигуры Чернышевского и его творчества использовалось как идеологическое оружие. Зарубежные исследования творчества писателя не всегда оставались недоступными отечественным исследователям, однако рассматривались они исключительно с идеологических позиций. Типичным примером такого подхода служит, например, статья А.Сигрист «Фальсифицированный Чернышевский: стереотипы и новации» [Сигрист 1971: 130–145]. Итогом такой изоляции становилась необходимость заново «открывать» уже давно описанные вещи: так, например, одним из ключевых моментов научной новизны в работах В.Л.Сердюченко является выделение и анализ в текстах Чернышевского христианской символики [Сердюченко 2001: 66–84]. Не умаляя значения научной работы исследователя, стоит отметить, что в работах Юлии Алиссандритос о генетических связях «Что делать?» с древнерусской литературой эта проблема ставилась еще в начале 1980-х гг. [Alissandritos 1982: 103–117].

Сегодня ключевым текстом зарубежного литературоведения, знакомство с которым является необходимостью для современных исследователей творчества Чернышевского, является книга Эндрю М.Дрозда ««Что делать?» Чернышевского: переоценка», вышедшая в свет в 2001 г. В своем исследовании Э.Дрозд исходит из того, что «роман Чернышевского последовательно прочитывался неверно как противниками, так и сторонниками, большей частью именно из-за отказа видеть в нем литературный текст. Однако, если «Что делать?» рассматривать прежде всего как литературное произведение, читателю при-

дется делать выводы, которые сильно отличаются, от традиционных» [Drozdz 2001: X]. Именно с такой «ревизионистской» позиции исследователь и подходит к анализу романа. Главным достоинством данной работы является то, что в ней в рамках монографического труда представлены новейшие наработки чернышевсковедения, проанализированы и суммированы исследования современных ученых, сформулирован и последовательно применен новый подход к исследованию «Что делать?» именно как литературного произведения. Дрозд рассматривает различные аспекты специфики художественного метода Чернышевского: взаимоотношения искусства и реальности и отражение эстетической концепции в творчестве писателя, особый язык романа, оппозицию автор / читатель, взаимодействие идеологии и художественности, построение образа Рахметова, а также политическую и экономическую платформы писателя. Книга А.Дрозда имеет все шансы стать для современного чернышевсковедения аналогом статьи Луначарского, «коренным» текстом, в котором намечены перспективы дальнейших исследований. Так, ученый не рассматривает детально особенности жанра «Что делать?» и особенности игровой поэтики произведения, однако указывает на их определяющую роль. Исследование Эндрю Дрозда демонстрирует, что идеологическая трактовка творчества Чернышевского не только препятствовала правильному пониманию политических и философских взглядов писателя, но и повлекла за собой неверное толкование художественной специфики его произведений. Более того, книга Дрозда утверждает за романом «Что делать?» статус сложного, синтетического текста, в трактовке которого возможны значительные вариации.

Один из ключевых текстов русской литературы и культуры, «Что делать?» представляет особый интерес для современного литературоведения². Фундаментальные изменения, происшедшие в чернышевсковедении за его более чем столетие десятилетнюю историю, требуют систематизированного описания. Анализ специфики развития науки о Чернышевском является непременным условием для определения места и роли писателя в современном литературном каноне, а также в истории отечественной и мировой литературы.

Примечания

¹ См.: [Пушкарева 2002].

² См. также: [Вайсман 2010].

Список литературы

- Арустамова А.А.* Русско-американский диалог XIX века: историко-литературный аспект / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2008. 590 с.
- Вайль П., Генис А.* Родная речь. М.: Независимая газ., 1994. 269 с.
- Вайсман М.И.* «Что делать» Н.Г. Чернышевского и «Калеб Вильямс» У. Годвина: типологическое параллели // Вестн. Перм. ун-та. 2010. №5(11). С.104-110.
- Валентинов Н.* Недорисованный портрет. М.: Терра, 1993. 560 с.
- Гуральник У.А.* Наследие Н.Г.Чернышевского-писателя и советское литературоведение. М.: Наука, 1980. 263 с.
- Демченко А.А.* Н.Г.Чернышевский: pro et contra. СПб.: РГХА, 2008. 752 с.
- Демченко А.А.* Памяти М.И. Перпер // Новое лит. обозрение. 2002. № 53. С.258–261.
- Демченко А.А.* Н.Г. Чернышевский. Научная биография: в 4 т. Саратов, 1978–1994.
- Денисюк Н.Ф.* Николай Гаврилович Чернышевский: Его время, жизнь и сочинения. М.: Изд-во А.С. Панафидиной, 1908. 196 с.
- Кантор В.К.* Срубленное дерево жизни. Можно ли сегодня размышлять о Чернышевском? // Октябрь. 2000. №2. С.157–180.
- Кондаков И.В.* От истории литературы – к поэтике культуры // Вопр. лит. 1997. №2. С.49–59.
- Луначарский А.В.* Статьи о литературе. М.: ГИХЛ, 1957. 736 с.
- Набоков В.В.* Дар. М.: Азбука, 1997. 416 с.
- Николаев А.А.* Николай Гаврилович Чернышевский. Знаменитый ученый и родоначальник русского социализма. Его жизнь и труды. Ярославль: ИЯКСК, 1919. 61 с.
- Паперно И.* Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М.: НЛЮ, 1996. 207 с.
- Пушкарева Н.* Нездоровая одержимость // Новая юность. 2002. №32 (3). URL: http://magazines.russ.ru/nov_yun/2000/3/anamnez.html (дата обращения: 22.01.2011).
- Сердюченко В.* Футурология Достоевского и Чернышевского. Князь Мышкин и Рахметов как ипостаси Христа // Вопр. лит. 2001. №3. С.66–84.
- Сигрист А.* Фальсифицированный Чернышевский: стереотипы и новации // Вопр. лит. 1971. №1. С.135–140.
- Стонпард Т.* Берег утопии. М.: Иностран. лит., 2006. 480 с.
- Эткинд А.* Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М.: НЛЮ, 2001. 483 с.
- Alissandritos J.* Hagiographical commonplaces and medieval prototypes in N.G. Chernyshevsky's "What Is to Be Done?" // St. Vladimir's Theological Quarterly. 1982. 26, No. 2. P.103–117.
- Drozdz A.* Chernyshevskii's "What Is to Be Done": A Reevaluation. Evanston, Ill.: Northwestern University Press, 2001. 332 p.
- Katz M.* Chernyshevsky in English translation // Slavic Review. 1987. 46, No. 1. P.125–128.
- Randall F.B.* N.G. Chernyshevskii. New York: Twayne, 1967. 178 p.

PROBLEMS OF INTERPRETATION OF THE NOVEL «WHAT IS TO BE DONE?» BY N.G. CHERNYSHEVSKY IN ACADEMIC AND LITERARY CRITICISM (1863-2010)

Margarita I. Vaysman

Post-graduate Student of Russian Literature Department
Perm State University

The article presents new periodisation of academic and critical works devoted to Nikolay Chernyshevsky. New historical circumstances call for re-evaluation not only Chernyshevsky's literary works but also works academic and literary criticism on the subject. The presented periodisation is based on the trends of development in modern Russian and foreign literary studies and conceptual changes which took place in the area of research devoted to Chernyshevsky over the last twenty years. The perspectives of further research in this aspect are described and the review of the most significant works is made.

Key words: Chernyshevsky; novel; history of literature; Soviet literary studies; biography; ideology; chronology.